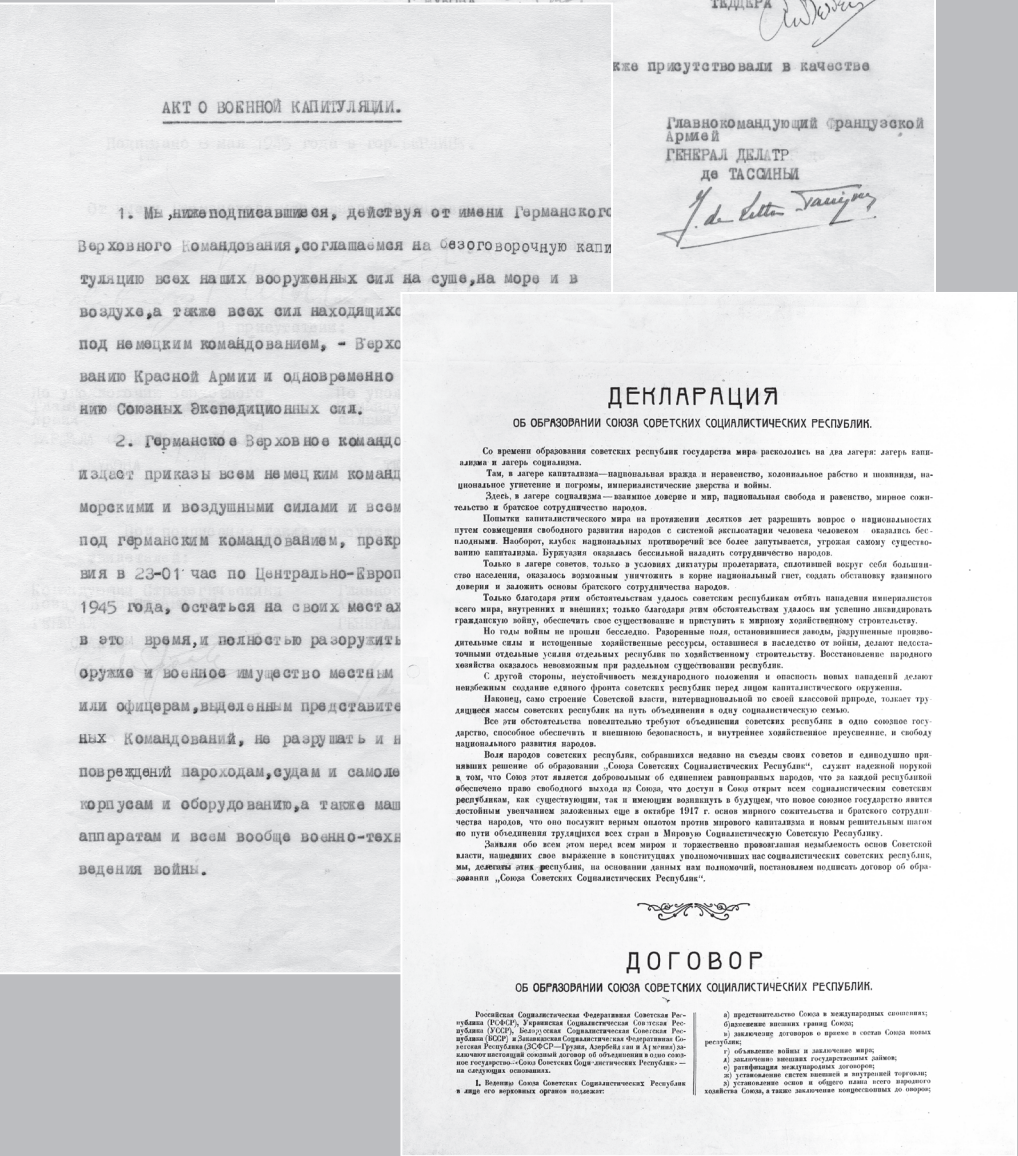
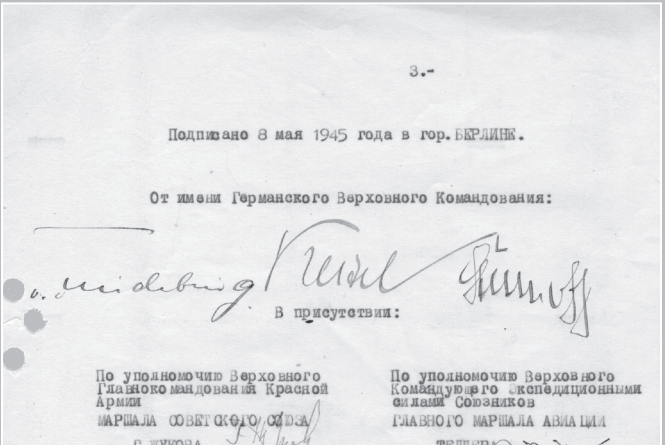

А. Н. Артизов

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА

АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ

УДК 94
ББК 63.3(2)
А86

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Артизов А.Н.
А86 Советская эпоха: Актуальные вопросы истории и документального наследия / А.Н. Артизов. — Москва : Фонд «Связь Эпох», 2021. — 488 с.

ISBN 978-5-907396-07-4

Сборник «Советская эпоха: Актуальные вопросы истории и документального наследия» включает в себя статьи и интервью доктора исторических наук, руководителя Федерального архивного агентства (Росархива) А.Н. Артизова, посвященные ключевым фигурам и основным вехам истории СССР, а также проблемам изучения документальных источников этого периода, а также проблемам историографии, источниковедения и истории архивного дела этого периода.

ISBN 978-5-907396-07-4 © Артизов А.Н., текст, 2021
© Фонд «Связь Эпох», издание, оригинал-макет, 2021

Содержание

Н.А. Макаров. Вступительное слово 8

РАЗДЕЛ I Советская история

Статьи

В.И. Ленин	13
В.И. Ленин и Н.А. Рожков. Из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 г.	38
«Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г.	48
Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг.	64
1939 год. От «умиротворения» к войне	72
Генерал Власов: история предательства	100
Г.М. Маленков	126
Н.С. Хрущев. К 120-летию со дня рождения	149
Реабилитация	161
А.Н. Косыгин	168
Л.И. Брежнев. К 109-летию со дня рождения	178

РАЗДЕЛ II
Историография, источниковедение,
архивоведение

Вступительное слово к сборнику документов	
«Л. И. Брежнев. Рабочие и дневниковые записи»	186
Ю. А. Андропов. К 100-летию со дня рождения	189
Выступление на конференции «Левая альтернатива: драма идей и судьбы людей»	195

Интервью

Засекреченного Ленина больше нет.	
Правда — лучший метод врачевания исторических травм	199
Прощание с гражданской войной. Цесаревича Алексея и великую княжну Марию захоронят 18 октября в Петропавловской крепости. А когда похоронят Ленина?	205
Пора остановить гражданскую войну в умах. Руководитель Росархива об исторической памяти, поиске компромиссов и необходимости примирения	210
Пакт и факт. Выставка Росархива рассекречивает документы и аргументы, посвященные началу Второй мировой войны	222
Война: горячий архив. Кто меняет местами героев и предателей, палачей и жертв?	233
Восстание втайне от Сталина. Почему советское руководство не было проинформировано о готовящемся выступлении варшавских повстанцев?	243
Выстрел в спину. Кто воевал в тылу Красной армии, освобождавшей Европу от фашизма?	248
Уроки «Большой тройки». Открывается выставка о том, как во время Второй мировой войны мир сплотился перед заразой нацизма	256
Война в зеркале документов	262

М. Н. Покровский: финал карьеры — успех или поражение?	271
Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.)	341
Болезнь и кончина А. Е. Преснякова	364
Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Материалы о жизни и деятельности	368
В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР	388
Размышления о советском архивном деле, навеянные чтением книги Т. И. Хорхординой «История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг.»	404
Некоторые проблемы публикации документов пленумов ЦК ВКП(б) — КПСС	411
Отечественные архивы и столетняя годовщина Великой российской революции	428
Общественная миссия российских архивов	433
Архивы на службе человеку, обществу и государству	447
Архивисты — хранители национальной памяти	458
Именной указатель	465
Список сокращений	479

Вступительное слово

Собранные в этой книге статьи А. Н. Артизова посвящены различным аспектам истории России XX в., документальному наследию советской эпохи, проблемам организации архивного дела и осмыслению места и функций архивов в современном мире. Написанные в различные десятилетия статьи разнообразны по конкретной тематике, по масштабам явлений и исторических персонажей, ставших предметом исследования, по своим научным задачам и кругу привлекаемых источников. Их объединяют идеи создания новой источниковой платформы для изучения новейшей истории России и нового научного прочтения советского периода на основании архивных документов. И в определенном смысле — потребность оценить то, что было сделано за последние десятилетия в архивной отрасли и в научном освоении архивных фондов советского времени.

Широкая публикация документов по истории XX в. — одно из главных событий в исторической науке новейшего времени. Доступность документов, долгое время остававшихся закрытыми, воспринимается сегодня как данность. Процесс «открытия архивов», создания современной навигации в обширных архивных фондах, публикации больших тематических массивов документов, изменивших наше видение советского прошлого, устройства архивных выставок, уже сам стал историей и должен стать предметом изучения. За 30 лет, прошедших с начала архивной революции, отношение к документальным материалам XX в. существенно изменилось, от первоначальной эйфории, надежды, что отдельные архивные находки прояснят истинную картину прошлого, до осознания того, что оценка тех или иных событий советского времени невозможна без систематизации и анализа

объемных материалов, часто находящихся в разных архивах. Очевидно, однако, что архивная информация сегодня высоко востребована в обществе и воспринимается как единственный ресурс, который способен сделать наше видение прошлого более глубоким и достоверным. Вкус к самостоятельному обращению к архивным публикациям и подлинным документам стал знаком не только профессиональным историкам. Сохранение архивов стало восприниматься как сохранение национальной памяти.

А. Н. Артизов в течение нескольких десятилетий погружен в обустройство архивной отрасли, занимая руководящие должности в Федеральной архивной службе, возглавляя с 2009 г. Федеральное архивное агентство. Он один из идеологов централизации архивного дела, развития его как единого пространства. И одновременно — инициатор и научный руководитель крупнейших издательских проектов, координатор научной работы больших коллективов архивистов, автор идеи архивных выставок, посвященных главным событиям истории XX в. и лидерам советской эпохи. Трудно переоценить его вклад в сохранение документальных фондов советского времени, в том числе тех, которые не содержат сенсационных сведений, открывают «второй план» истории. С инициативами А. Н. Артизова связано начало цифровизации отрасли, создание электронных каталогов архивных фондов и обеспечение удаленного доступа к ним, размещение на порталах архивов части оцифрованных документов, в том числе материалов, относящихся к драматическим событиям советской истории. Во многом благодаря его усилиям архивные материалы в последнее десятилетие стали более заметны в медийном поле и публичном пространстве.

Собственное лицо А. Н. Артизова как ученого определяется как его давним интересом к историографии и интеллектуальной жизни Советской России 1920–1930-х гг., так и общими размышлениями о событиях советской истории и организации архивного дела. И подчеркнутым вниманием к источниковедческим аспектам подготовки публикаций. Как издатель документов советского времени А. Н. Артизов строго следует методическим установкам академического источниковедения, предполагающим поиск аутентичных текстов, анализ их подлинности, выяснение авторства, выявление правок и редактирование текстов, установление датировки и полной истории составления документа. Ценность архивных публикаций, подготовленных под его руководством, определяется не только содержанием документов, но и системностью их охвата, высоким качеством источниковедческой подготовки, точностью и полнотой авторских комментариев.

В.И. Ленин и Н.А. Рожков

Из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 г.*

* В.И. Ленин и Н.А. Рожков (из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 г.) // Задавая вопросы прошлому... К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева: Сб. ст. М., 2006. С. 311–320.

До сих пор встречаются люди, сомневающиеся в том, что инициатором операции 1922 г. по насильственной высылке за рубеж и в отдаленные районы страны инакомыслящих деятелей интеллигенции был Ленин.

Исследования и публикации последнего пятнадцатилетия сделали немало для крушения этой иллюзии¹. Но еще остаются сюжеты, раскрытие которых обогащает палитру фактов высылки 1922 г. и позволяет понять истинное лицо ее «героев».

К таким сюжетам относятся злоключения, которые пережил талантливый русский историк, видный деятель партии меньшевиков Николай Александрович Рожков (1868–1927).

Но сначала — необходимые пояснения о причинах высылки интеллигенции. Эти причины неразрывно связаны с видением Лениным и другими руководителями большевиков новой экономической политики (нэп), будущего облика страны Советов. Это будущее, в представлении лидеров большевиков, есть монополярная власть коммунистической партии и ее вождей, тотальный контроль со стороны власти за всеми сферами политической и общественной жизни страны. Что же касается объявленных экономических свобод, то в нужный момент при наличии господствующей политической и военной силы они могут быть быстро свернуты.

Нэп большевики ввели, конечно, не от хорошей жизни. Гражданская война, военный коммунизм поставили экономику страны на грань краха. Начались массовые выступления крестьян (антоновщина), под антикоммунистическими лозунгами восстал прежде твердый оплот большевиков Кронштадт.

Разрешив рыночные отношения и капиталистическую собственность, большевистские руководители прекрасно понимали, что оживление частной инициативы неминуемо вызовет всплеск политических требований о свободе. А это прямая угроза их власти, возможная смена социального строя. Поэтому вынужденное временное отступление в экономике Ленин и поддерживавшие его вожди большевиков решили сопроводить политикой «закручивания гаек», беспощадным подавлением любых оппозиционных выступлений. Яркое выражение такой политики — показательный судебный процесс большевиков над вчерашней союзницей, социалистической партией эсеров (в отношении меньшевиков процесс готовился, но по ряду причин не состоялся), наступление на противостоящую по своим философским и этическим взглядам доктрине коммунизма церковь (подрыв ее материальной базы путем изъятия церковных ценностей, массовые аресты священнослужителей, в том числе патриарха Тихона), серия мероприятий по искоренению общественного движения и инакомыслия в стране, составной частью которой стала операция по высылке интеллигенции.

Идея о проведении этой акции начала вызревать у лидеров большевиков еще зимой 1922 г., когда они столкнулись с массовыми забастовками профессорско-преподавательского состава вузов и оживлением общественного движения в интеллигентской среде. В статье «О значении воинствующего материализма», законченной 12 марта 1922 г., Ленин открыто сформулировал идею высылки представителей интеллектуальной элиты страны. 19 мая того же года вождь большевиков направил секретное письмо Ф.Э. Дзержинскому с изложением инструкции по подготовке к высылке «контрреволюционных» писателей и профессоров. Он предложил собрать по этому поводу совещание руководящих работников и чекистов, обязать всех членов Политбюро ЦК РКП(б) по 2–3 часа в день уделять просмотру книг и периодики с выступлениями инакомыслящих авторов, собирать сведения об их политической физиономии. 21 мая Ленин получил письмо от наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, жаловавшегося на итоги 2-го Всероссийского съезда врачебных секций Всероссийского медико-санитарного общества и предлагавшего с помощью ГПУ «изъять» руководителей оппозиционного съезда и некоторых местных врачебных обществ. На этом письме Ленин наложил следующую резолюцию: «Товарищу Сталину. Я думаю, надо строго секретно (не размножая) показать это и Дзержинскому, и всем членам Политбюро и вынести директиву: “Поручается Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить Политбюро”».

Политбюро 24 мая и 8 июня поддержало предложения Ленина: ГПУ было поручено составить список подлежащих «изъятию» врачей, ВЦИК

предлагалось издать постановление об образовании при НКВД Особого совещания для рассмотрения вопросов административной высылки; при Политбюро создана комиссия в составе Л. Б. Каменева, Д. И. Курского и И. С. Уншлихта для «окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок». Одновременно в целях «фильтрации студенчества» и «ограничения приема студентов непролетарского происхождения» образовали специальную комиссию по обеспечению порядка в вузах, наметили меры по закрытию неугодных средств массовой информации и укреплению органов политической цензуры (вскоре сформировали Главлит и Главрепертком).

Основную работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ, которое, как отмечает В. С. Христофоров, неплохо было подготовлено к этой операции². Еще в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны, в том числе в наркоматах и университетах, создали Бюро содействия работе ВЧК. Члены этого бюро содействия из числа партийных и советских руководителей (обязательно коммунисты с не менее чем трехлетним партийным стажем) в порядке исполнения партийной дисциплины были обязаны собирать для чекистов разнообразную информацию об антисоветских элементах в своих учреждениях. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за проведением съездов, собраний и конференций. Поступавшие из бюро информационные материалы концентрировались в секретном отделе ВЧК — ГПУ, на который и была возложена непосредственная подготовка мероприятий по высылке интеллигенции (несколько позднее на базе 4-го отделения секретного отдела ГПУ создали специальное Особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции в центральном аппарате ГПУ и аналогичные бюро в аппаратах полномочных представительств и губотделов ГПУ).

Получив партийное задание, с целью составления и уточнения списков высылаемых, при негласной помощи бюро содействий, чекисты начали опрашивать руководителей наркоматов, секретарей партийных ячеек вузов и других научных учреждений, партийных литераторов об известных им представителях «антисоветской интеллигенции». По совету Ленина к работе по составлению характеристик на высылаемых привлекли известных партийных деятелей М. Н. Покровского, Н. А. Семашко, П. А. Богданова, Ю. М. Стеклова, И. И. Ионова, П. И. Лебедева-Полянского, В. Н. Яковлеву, Л. М. Хинчука, С. П. Середу, А. И. Муралова и др.

22 июня Политбюро одобрило высылку группы арестованных врачей в отдаленные голодающие губернии. Тогда же было решено ускорить подготовительную работу по организации массовой высылки эсеров.

16 июля Ленин из подмосковных Горок, где лечился после случившегося с ним в конце мая инсульта, в специальном письме Сталину выразил обеспокоенность затяжкой высылки инакомыслящих интеллигентов, так как «эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас». «Комиссия... должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно, — требовал Ленин. — Очистим Россию надолго». К подлежащим обязательной высылке известным меньшевикам, эсерам и энесам Ленин причислил Рожкова: «надо его выслать, неисправим»³.

20 июля Политбюро впервые рассмотрело и 10 августа утвердило составленные комиссией Каменева, Курского и Уншлихта списки научных и общественных деятелей Москвы, Петрограда, других городов РСФСР и Украины (Харькова, Киева, Одессы и др.), подлежащих высылке за границу.

Основную операцию ГПУ провело в ночные часы с 16 по 18 августа. Среди заключенных в тюрьму или оставленных под домашним арестом оказались философы Л. П. Карсавин, Н. А. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк, И. И. Лапшин; историки и правоведы А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин; писатели и литераторы Ю. И. Айхенвальд, Е. И. Замятин, А. С. Изгоев-Ланде, Н. М. Волковыцкий; экономисты и финансисты Н. Д. Кондратьев (Китаев), Д. А. Лутохин, И. Х. Озеров, С. Л. Зубашев; математики, инженеры и естествоиспытатели В. В. Стратонов, В. Е. Фомин, И. А. Артоболевский, М. М. Новиков, И. И. Ушаков, А. И. Угримов, Н. Р. Бриллинг, В. В. Зворыкин, В. И. Ясинский, И. И. Куколевский, А. Л. Бойков; деятели кооперативного движения А. А. Булатов, В. М. Кудрявцев, А. Ф. Изюмов, Б. Д. Бруцкус, А. И. Сигирский, И. Ю. Бакал, И. П. Матвеев, врачи Ю. Н. Садыкова, Е. С. Канцель, А. Я. Гудкин, И. Е. Бронштейн, многие другие. Позднее разыскали (некоторые пришли сами), взяли в заключение или под домашний арест философов и социологов П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева, писателя М. А. Ильина (М. А. Осоргина), врача Н. Н. Розанова, кооператоров Н. И. Любимова и Н. П. Ромодановского, инженера П. И. Пальчинского и др.

Все арестованные были допрошены и дали письменные ответы на заранее подготовленные вопросы об отношении к советской власти и проводимой большевиками политике. Кроме того, с них были взяты две подписки — обязательство не возвращаться в советскую Россию и обязательство выехать за границу за свой (если имелись средства) или казенный счет. «Исключение» сделали только для врачей: согласно принятому ранее постановлению Политбюро их решили использовать для спасения голодающего населения и борьбы с эпидемиями, поэтому они подлежали высылке не за границу, а во внутренние голодающие губернии.

Пора остановить гражданскую войну в умах

Руководитель Росархива об исторической памяти, поиске компромиссов и необходимости примирения*

* Пора остановить гражданскую войну в умах (интервью с руководителем Росархива А. Н. Артизовым) / беседу вел В. Нордвик // Родина. Российский исторический журнал. 2015. № 11. С. 54–63.

«В АВГУСТЕ 1991-ГО МУЖИКИ В БЕЛЫХ РУБАШКАХ СПАСАЛИ АРХИВ...»

— Хорошо сидите, Андрей Николаевич! На Ильинке, в самом центре. До Кремля — три минуты прогулочным шагом, Администрация Президента — и вовсе в соседнем здании. Если судить по географическому местоположению, архивы играют важную роль в жизни современной России.

— Хочется верить, это именно так. Правда, помещение выбрано не мною и даже не моим предшественником, а, извините за пафос, историей. Архив располагался тут и во времена Советского Союза. Комплекс зданий на Старой площади занимал Центральный комитет КПСС, включавший в себя и так называемый текущий архив ЦК. Он начал складываться еще в двадцатые годы прошлого века, его особый сектор в какой-то момент возглавил Иван Товстуха, организатор и заведующий личной канцелярией Сталина. Потом он изучал деятельность Ленина, участвовал в подготовке первого издания собрания сочинений вождя. Но прославился Иван Павлович не этим, а несколько иным, скажем так, специфическим занятием.

— То есть?

— Товстуха проводил чистку архивов, внимательно просматривая документы на предмет крамолы в речах критиков и оппонентов режима. Тогда внутри ВКП(б) шли бурные дискуссии, велась острая фракционная борьба. Вот Иван Павлович и выявлял факты политической

неблагонадежности, о которых тут же информировал кого надо. Он добыл компромат на Зиновьева, Каменева, Бухарина... Умер в 1935 году от туберкулеза, похоронен в Кремлевской стене.

Особым сектором в 30-е годы заведовал и Александр Поскребышев, еще более известная фигура. Потом он тоже заведовал секретариатом Сталина и был тенью патрона почти до самой его смерти. Правда, в начале 1953-го Александра Николаевича обвинили в потере важных документов и отстранили от работы.

Архив между тем разрастался. В советское время бюрократический аппарат ЦК работал прекрасно. Любое событие скрупулезно фиксировалось, бумаги аккуратно собирались, складывались и хранились. Так продолжалось до момента распада СССР. А в августе 1991-го случились события, которые в зависимости от политических взглядов люди называют то революцией, то контрреволюцией.

— А вы как?

— С высоты прошедших десятилетий могу сказать: это была революция. Но к подобному пониманию я пришел не сразу, потребовалось время. А тогда я провел в здании две ночи и видел все своими глазами.

— Ну да, вы ведь успели поработать в аппарате ЦК, Андрей Николаевич...

— Официально состоял в должности старшего референта общего отдела, а фактически был сотрудником архива. В те тревожные дни мы с коллегами занимались его спасением, поскольку отлично понимали, что может произойти, если документы попадут не в те руки.

— Спасать тоже можно по-разному. Например, сжечь. По принципу: не доставайся же ты никому.

— Вы должны понимать: архив ЦК всегда относился к числу самых закрытых и секретных. Нам было крайне важно сберечь в сохранности находившиеся в нем бумаги. В конце концов, сегодня у власти — одни, завтра — другие, но государство-то остается. А тут, извините меня, уникальные картотеки, дающие возможность поиска практически любой информации! Все это богатство лежало в кабинетах, окна которых выходили на улицу. Ни решеток, ни какой-то вооруженной охраны. Если бы хлынула разгоряченная и возбужденная толпа, а такие опасения были, то...

Не хочу сгущать краски, но обстановка на Старой площади накалилась до предела. Никто не знал, чем все обернется, поэтому мужики, работавшие в архиве, снимали пиджаки, засучили рукава на рубашках и сутки напролет таскали тяжеленные коробки с бумагами и ящиками с карточками, пряча все в специальные бронированные хранилища. Туда никто из чужаков не попал бы и при большом желании.

Через пару дней напряжение пошло на спад, стало понятно, что худшего удалось избежать. Несколько месяцев продолжался период нервного ожидания и неопределенности, потом Советский Союз окончательно развалился на пятнадцать независимых государств.

В числе первых президентских указов Борис Ельцин подписал тот, который касался национализации партархивов и создания на их базе Центра хранения современной документации. Позже его переименовали в Российский госархив новейшей истории.

— **Вроде бы в какой-то момент Борис Николаевич даже сидел в вашем нынешнем кабинете?**

— Очень короткий срок — с апреля по июнь 1985 года. Его забрали из Свердловска в Москву и назначили заведующим строительным отделом Центрального комитета КПСС. Вскоре Борис Николаевич стал секретарем ЦК, и ему подыскивали кабинет в другом здании.

Но, кстати, нам недолго здесь осталось сидеть. Готовимся к переезду. В следующем году Федеральное архивное агентство и Госархив новейшей истории переберутся в здание, которое по нашему техническому заданию строит Управление делами Президента на другом берегу Москвы-реки, на Софийской набережной. Оттуда вид на Кремль даже лучше: все как на ладони.

— **Сколько лет вы провели в этих стенах?**

— Конкретно в этом кабинете — шесть, с момента, когда возглавил агентство. А на Старой площади работаю с 1989 года — значительный отрезок жизни, что и говорить. Менялись названия не только организаций, но и государств, а я продолжал заниматься, по сути, одним и тем же: сохранял для будущего память о прошлом. О былых временах в этом кабинете напоминают, пожалуй, лишь «вертушки», телефоны защищенной правительственной связи. Прекрасно, кстати, работают до сих пор.

— **Часто вам звонят сверху, из Кремля?**

— Исключительно по делу. Без серьезного повода не беспокоят.

«ДЕТИ ДОЛЖНЫ ЛЕЖАТЬ РЯДОМ С РОДИТЕЛЯМИ»

— **Почему спрашиваю? Бытует мнение, что архивы порой используют для отвлекающего маневра. Скажем, надо переключить внимание общества с одной темы на другую, и в нужный момент с полочки достается папочка, с нее стряхивается пыль, и все вокруг вдруг начинают дружно говорить о перезахоронении останков членов царской семьи. Бывает ведь такое, согласитесь?**

— Подобные вопросы любят задавать иностранные журналисты. Дескать, вас, господин Артизов, утвердило в должности руководство страны, наверняка оно же дает указания, какие документы публиковать можно, а что стоит попридержать...

Всегда говорю одно: это — неправда. Еще раз по слогам: не-прав-да!

Я отвечаю за слова не только должностью, но и совестью, поэтому могу твердо заявить, что российские архивы взяли четкий курс на расширение доступа всех желающих к документам, хранимым в них. По нашим законам любой гражданин России, иностранец и даже апатрид, лицо без подданства, может обратиться в архив, прийти в читальный зал и работать там. Никаких запретительных «указивок» на сей счет нет. Это осознанный выбор архивного сообщества. Мы же не для себя все эти материалы копим, а для людей.

— **Спрошу иначе. Почему именно сейчас тема идентификации праха двух непогребенных детей Николая II вышла на первый план, попав в новостную повестку? Эти бранные кости много лет пролежали без движения в Госархиве, а теперь началось такое шевеление...**

— И на это отвечу. Мы, архивисты, никогда не оставляли тему гибели семьи последнего российского императора, чему доказательством выставка «Следствие длиною в век», на которой были представлены уникальные документы и экспонаты из Эрмитажа, заповедника «Царское Село», Архива внешней политики, Российского госархива социально-политической истории и других источников. Впервые мы провели выставку несколько лет назад в Москве, потом повторили ее в Екатеринбурге...

Напомню, в 1979 году в районе Ганиной Ямы на Старой Коптяковской дороге были найдены останки девяти неизвестных лиц, которые позже идентифицировали как царские. Обстоятельства гибели семьи Романовых начинали расследовать еще при советской власти, но новый ход дело получило в августе 93-го. К тому моменту пали последние идеологические препоны, мешавшие объективной оценке случившегося в июле 1918 года. Группу криминалистов возглавил следователь по особо важным делам Владимир Соловьев, который и сегодня продолжает работу, пытаясь разобраться в деталях трагической истории.

В июле 1998 года, ровно через восемьдесят лет после казни в Екатеринбурге, в семейной усыпальнице Романовых в Петропавловском соборе Петербурга состоялось захоронение останков Николая II и членов его семьи. Там не оказалось праха цесаревича Алексея и великой княжны Марии, поскольку к тому моменту не удалось обнаружить никаких их следов.

Болезнь и кончина А. Е. Преснякова*

* Болезнь и кончина А. Е. Преснякова // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 158–160.

В статье об А. Е. Преснякове исследователь его трудов справедливо сетует, что до сих пор не осуществлено обстоятельное изучение биографии и творчества этого выдающегося представителя русской исторической науки¹. Мало освещен последний период жизни ученого, в литературе упоминаются разные даты его смерти². В этой связи интерес представляют приводимые ниже документальные свидетельства из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Документы эти выявлены среди материалов, которые были изъяты следователями НКВД 19 декабря 1934 г. при аресте у бывшего ответственного секретаря Общества историков-марксистов и журнала «Историк-марксист» И. Л. Татарова и приобщены затем к его уголовному делу³. Вчерашний студент историко-филологического факультета Петроградского университета, Татаров довольно долго сохранял контакты со своими преподавателями, переписывался с некоторыми учеными «старой школы», содействовал публикации их работ в марксистской печати. В период проведения кампании по выборам в Академию наук именно ему Агитпропотдел ЦК ВКП(б) доверил деликатное задание, направив 2 октября 1928 г. директивное письмо следующего содержания: «АППО ЦК поручает Вам в трехдневный срок написать статью о тов. Преснякове для “Известий ЦИК”. Цель статьи — активная поддержка нашего кандидата в выборах в АН... Статью пришлите в АППО ЦК на имя т. [А. И.] Криницкого секретным порядком».

Татаров выполнил поручение, рекламная статья за его подписью появилась в «Известиях» 14 октября 1928 г. Но академиком Пресняков

не стал: его кандидатурой «пожертвовали», чтобы продвинуть в академики Н. М. Лукина. Как разъясняет ситуацию автор работы «Академия наук на “великом переломе”» Ф. Ф. Перчёнок, в октябре 1928 г. представители власти и Академии наук на заседании комиссии по историческим наукам сумели договориться о выдвижении в члены АН, с одной стороны, М. Н. Покровского и Д. Б. Рязанова, с другой — М. С. Грушевского и Д. М. Петрушевского. На оставшиеся два места академики желали избрать М. К. Любавского и А. Е. Преснякова и не соглашались на кандидатуру Лукина. Власть стояла за Лукина, соглашалась на Преснякова и слышать не хотела о Любавском. В результате родился компромисс: проголосовали за Любавского и Лукина, оставив кандидатуру Преснякова «без баллотирования ввиду заполнения наличных свободных мест по историческим наукам»⁴.

Перебирая после ареста конфискованные бумаги, следователи вряд ли задержали внимание на вышеупомянутом поручении Агитпропотдела ЦК ВКП(б). Вероятно, не заинтересовало их и письмо Татарову от Преснякова и два аналогичных письма от ближайшего ученика Преснякова Б. А. Романова, которые не могли помочь им в выявлении оппозиционных связей и настроений подследственного. Однако для нас эти документы чрезвычайно любопытны, поскольку позволяют дополнить биографию Преснякова новыми штрихами, проливают свет на трагическую страницу его жизни — борьбу с неизлечимым недугом.

Сквозь сухие лапидарные строки единственного в архиве Татарова письма Преснякова, написанного, видимо, 27 марта 1928 г. в ответ на предложение подумать о возможной публикации в журнале «Историк-марксист», проглядывает усталость человека, отягощенного болезнью, остро осознающего невозможность заниматься любимым делом в полную силу. «Уважаемый Исаак Львович, — пишет Пресняков. — Что мне Вам ответить? Запутался я в разных делах и делишках между двух городов, устал от “суеты сует” и сбился со всякого писания. Трудно на чем-либо сосредоточиться... Будете ли Вы писать раздел для I тома “Книги для чтения по истории” для вузов, а то из издательства “Пролетарий” спрашивают?.. А я до мая едва ли за какое-нибудь писание смогу взяться».

Имя Преснякова при его жизни так и не появилось на страницах главного марксистского исторического журнала, хотя ученый поддерживал довольно активную переписку с редакцией, делился творческими планами, слал отзывы на книги и статьи⁵.

В своем письме от 16 февраля 1927 г., сообщая Татарову, что Е. В. Тарле не против сотрудничества с «Историком-марксистом», но сначала хотел бы познакомиться с его первыми номерами, Романов

подтверждает это стремление Преснякова к участию в журнале, добавляя в конце почтового отправления многозначительную фразу: «А вот Пресняков уже переговорил с Э.Д. Гриммом о критических статьях по поводу германского многотомника “Die grosse Politik der Europäischen Kabinette” и о исторической подготовке краха Британской империи».

Другое письмо Романова написано им 7 октября 1929 г. спустя неделю после смерти Преснякова в связи с намечавшимся помещением в журнале некролога. Текст этого письма настолько важен для характеристики последних лет жизни ученого, что заслуживает полной публикации. С незначительными сокращениями текст приводится ниже.

«Дорогой Исаак Львович. Посылаю Вам фотографию Евгеньевича по выбору семьи: большую с женой обязательно вернуть. Советую напечатать именно ее.

На всякий случай сообщаю несколько дат и данных...

Рак открылся весной 1928 г. Но боли в левой части головы (которые мучили, усиливаясь, до последнего дня) начались еще осенью 1927 г. Весной 1928 г. подвергся лечению радием. В августе 1928 г. ездил даже в Москву заниматься в Древлехранилище по внешней политике Петра Великого. Однако занимался с трудом, жаловался на усталость. А по истечении 2-х недель был вызван доктором Петровым (радиевиком) в Ленинград для осмотра. Сентябрь промаялся здесь, 3 октября уехал в Крым — окрепнуть и быть в стороне в период выборов в Академию. Вернулся 7–8 ноября, не окрепнув, и приступил к занятиям в Ленинграде и Москве по всему фронту (боялся, что трудно будет говорить). В течение трех рабочих недель (до начала декабря) обнаружилось резкое ухудшение самочувствия и потеря в весе, а когда в начале декабря А[лександра] Е[вгеньевича] заставили показаться доктору Петрову, тот забил тревогу и назначил постановку радия через три дня — так быстро пошел рецидив! Второй сеанс радия задержал Евгеньевича на два месяца, до середины февраля, срок, к которому все уже было налажено с командировкой в Париж, тоже для радия. Но в Париже сами радиевики направили Евгеньевича к хирургу, создавшим в своем бессилии. Была операция с удалением около половины языка, но без удаления шейных желез. По возвращении сюда в начале апреля 1929 г. обнаружилось тотчас же, что затронуты уже и железы, и через несколько дней он был взят в третий раз в больницу Мечникова для постановки радия на него. Лето провел в Павловске, все слабея, но не переставая много читать, а в августе правил корректуры редактируемой им книги по истории для вузов. Боли головы были сильные и постоянные, по несколько раз на день поливали голову холодной водой. Питался с осени 1928 г. жидкой пищей.

Питание становилось все трудней. По возвращении в город в сентябре стал больше слабеть и читал уже мало. Говорить мог, но избегал и объяснялся обыкновенно записочками. 26 сентября было кровотечение из ранки языка, 29 сентября второе (стакан крови). Сердце, благодаря исключительно здоровью которого так долго А[лександр] Е[вгеньевич] вообще боролся с болезнью, — не выдержало. 29 впервые Евгеньевичу дали немного морфия, чтобы утишить боли, а 30 с утра сердце все слабело. До 2-х часов он еще мог говорить, а с 2 часов не мог уже объясняться и карандашом. Умер между 5 и 5½ часов дня 30-го.

По просьбе вдовы сейчас разбираемся в литературном наследстве А[лександра] Е[вгеньевича]... Это будет, вероятно, не один том. Но кто возьмется издать?.. Сейчас поднимается вопрос о пенсии вдове через [И. К.] Лупшолу. Очень одобряю, что некролог пишете Вы. Ваш Б. Романов».

Надеждам Романова, однако, не суждено было сбыться. В условиях начавшихся осенью 1929 г. в связи с «Академическим делом» арестов ученых «старой школы» редакция «Историка-марксиста» ограничилась публикацией фотографии Преснякова и скромного в 12 строк извещения о его кончине⁶. Содержавшееся в извещении обещание «в следующем номере подробнее осветить деятельность покойного, дать практический анализ его научного наследства и оценку этому выдающемуся ученому» редакция не выполнила.

¹ Чирков С. В. Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 2. Архивно-информационный бюллетень № 10. 1995. С. 79.

² С. В. Чирков, например, указывает, что Пресняков умер 13 сентября 1929 г., М. Б. Свердлов называет 30 сентября. См.: Чирков С. В. Указ. соч.; Свердлов М. Б. А. Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 554.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Д. Р-11146. Конфискованные документы содержатся в 5 томах (т. 56–59) и нескольких прилагаемых к ним пакетах. Документы в пакетах не систематизированы и не пронумерованы. Об И. Л. Татарове подробнее см: Вопросы истории. 1994. № 7.

⁴ Звенья. Исторический альманах. Вып. I. М., 1991. С. 182.

⁵ Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926–1941 гг. М., 1979. С. 72.

⁶ Историк-марксист. 1929. № 13. С. 269.

Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939)

Материалы о жизни и деятельности*

* Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Материалы о жизни и деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 110–123.

Имя младшего брата выдающегося советского историка, академика М. Н. Тихомирова, Бориса Николаевича Тихомирова малоизвестно в советской историографии. В литературе встречаются лишь отдельные упоминания о его работах¹. Между тем Б. Н. Тихомиров был одним из первых историков-марксистов, проложивших дорогу марксистскому пониманию истории феодальной России.

«Думается, что настало время собрать воедино и переиздать работы этого ученого-коммуниста», — справедливо пишет Е. В. Чистякова². Актуальной представляется и задача осветить основные вехи жизненного пути и научного творчества историка.

Трагическая судьба Б. Н. Тихомирова во многом определила скудость сохранившихся источников. Самостоятельного комплекса архивных документов, достаточно полно отражающих жизнь и творчество ученого, не имеется. Сведения о нем по крупицам приходится искать в различных фондах организаций, учреждений и научных обществ тех городов, где довелось работать Б. Н. Тихомирову. Тем большую ценность представляют те его документы, которые сохранились в составе личного фонда академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР³. Среди них рукописи семинарских докладов в ИКП и подготовительные материалы к ним, неопубликованная статья и рецензия, письма, различные документы о служебной деятельности, рисунки маслом и акварелью, свидетельствующие о художественном даровании историка. Несмотря на свою малочисленность (16 единиц хранения, включенных в отдельную, пятую опись, а также два дела в составе четвертой описи), эти архивные документы существенно дополняют опубликованные

источники — рассыпанные по страницам журналов и газет научные работы Б. Н. Тихомирова — и в целом позволяют более обстоятельно раскрыть творческую биографию ученого.

О ранних годах жизни Б. Н. Тихомирова сведения бедны. Известно только, что Борис родился в 1898 г. в Москве⁴. Он был последним, пятым сыном в семье конторского служащего филиала Морозовской мануфактуры Николая Константиновича Тихомирова. Четвертым сыном с разницей в пять лет был Михаил, с которым у Бориса установились наиболее близкие отношения. Эту близость с детских лет братья сохранили на всю жизнь. Оба выбрали одну профессию, став учеными-историками; научные интересы обоих были посвящены главным образом средневековой Руси. Отнюдь не случайно имя Бориса чаще, чем многие другие имена, встречается на страницах неопубликованных воспоминаний академика М. Н. Тихомирова⁵.

Окончив одну из московских гимназий, Борис по примеру брата поступил на историко-филологический факультет Московского университета. На третьем курсе, однако, Борис был вынужден оставить учебу, так как из-за голода зимой 1919 г. семья старшего брата Николая, с которой проживали Борис и отец, выехала в сельскую местность. Тихомировы переселились на родину жены Николая, в Мосальск — маленький уездный городок Калужской губернии. В Мосальске бывший офицер старой армии, выпускник юридического факультета Московского университета Николай Тихомиров стал членом РКП(б), одним из руководителей местной партийной организации. Как подчеркивалось в партийной характеристике, он был «хорошим лектором и выдающимся агитатором, хорошо знакомым с основами марксизма, ценным работником в области народного образования»⁶.

«Человек не только добрый, но и выдающийся по своим качествам», по воспоминаниям академика М. Н. Тихомирова, Николай сыграл заметную роль в судьбе младшего брата. Во многом под его влиянием Борис активно включился в агитационно-пропагандистскую деятельность мосальской партийной организации, а в июне 1922 г. подал заявление о принятии кандидатом в члены РКП(б). Осенью 1921 г. в Мосальске в целях подготовки кадров для близлежащих уездов была открыта совпартшкола. Ее вскоре возглавил Н. Н. Тихомиров, который привлек к работе в школе брата. Борис первоначально преподавал историю и философию, а затем стал заведующим учебной частью школы. Совместная работа, однако, продолжалась недолго. Во время эпидемии тифа Николай тяжело заболел и 28 февраля 1923 г. умер. На долгое время слег и Борис. Лишь спустя три

В угоду взглядам вождя Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР*

* В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. Октябрь — декабрь. С. 125–135.

Прошлое советской исторической науки таит не одну малоизвестную или вовсе неизвестную страницу. Среди таких «белых пятен», пробуждающих живой интерес историографов, — события, связанные с появлением знаменитого «Краткого курса истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова. Причины проведения конкурса, организация, ход и особенности конкурсной кампании, роль тогдашнего партийного руководства в ее осуществлении — эти вопросы пока не стали предметом специального рассмотрения. Попытку хотя бы в главных чертах восполнить имеющийся в литературе пробел представляет данная статья.

Появлению в печати 3 марта 1936 г. конкурсного объявления предшествовали следующие события. 5 марта 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был поднят вопрос о неудовлетворительной постановке преподавания истории в школах. По итогам обсуждения 20 марта заведующему Отделом пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкому и наркому просвещения РСФСР А. С. Бубнову было поручено подготовить предложения о составе авторских групп для написания новых исторических учебников. Предложенные ими авторские группы были утверждены 29 марта. Спустя полтора месяца, 15 мая, решение ЦК ВКП(б) по сложившейся практике было оформлено в совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР и на следующий день опубликовано в газетах под известным ныне названием «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

В развитие принятого документа 9 июня 1934 г. Секретариат ЦК ВКП(б) положительно рассмотрел вопрос о введении в начальной

и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР. Затем последовало новое решение — 25 июня для руководства работой по созданию учебников и просмотра подготовленных конспектов Политбюро ЦК ВКП(б) организовало специальную комиссию в составе А. С. Бубнова, А. А. Жданова, Л. М. Кагановича, В. В. Куйбышева, И. В. Сталина, А. И. Стецкого. В соответствии с полученными директивами 9 июля Наркомпрос РСФСР утвердил московскую (И. И. Минц, Е. А. Мороховец, М. В. Нечкина, В. Е. Сыроечковский, Б. Е. Сыроечковский) и ленинградскую (В. Н. Вернадский, И. В. Гиттис, Т. С. Карпова, А. И. Малышев, Л. И. Фельдман) группы авторов по составлению элементарного курса истории для начальной школы. Наконец, 14 августа 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории¹.

Хотя эти замечания были опубликованы лишь в январе 1936 г., историки, участвовавшие в создании учебников, были ознакомлены с ними сразу после их появления. Так сложился комплекс важнейших партийных и правительственных документов, давших старт уникальной эпопее по написанию исторических учебников, важным звеном которой стал конкурс на лучший учебник по элементарному курсу истории СССР для начальной школы.

В советской историографии до последнего времени господствовало устойчивое мнение о благотворном влиянии на развитие отечественной науки директив, принятых весной и летом 1934 г. Хвалебные отзывы об этих документах можно встретить у многих непосредственных участников и очевидцев развернувшихся событий². Лишь недавно появились работы, в которых предпринята попытка переосмыслить сложившиеся стереотипы, уйти от односторонней апологетики³. Интересно отметить, что представители старшего поколения, обосновывая свою точку зрения, обращаются, как правило, к постановлению «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Современные оппоненты, напротив, упор делают на «Замечаниях...» Сталина, Жданова и Кирова.

В подобной избирательности кроются свои резоны. Действительно, тексты постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. и решения ЦК ВКП(б) от 9 июня этого же года сами по себе не дают оснований для их негативной оценки. Лейтмотив документов — реорганизация системы исторического образования в стране — не вызывает сомнений в своей актуальности и злободневности. Вместо недавних факультативов в школе окончательно формируется стройная система преподавания истории, в основе сохранившаяся до наших